



*Моим мальчикам, которые всегда верили  
в меня, и Стефани, которая помогла мне  
поверить в себя снова*



# ГЛАВА 1

## *ЕСЛИ ТЫ НЕ ХОДИШЬ ПО КРАЮ, ТЫ ЗАНИМАЕШЬ СЛИШКОМ МНОГО МЕСТА*

**Я** стою на краю летного поля, глядя на самолетик, на который собираюсь сесть, и изо всех сил стараюсь не психовать.

Легко сказать.

И дело не только в том, что я вот-вот оставлю позади все, что знаю, хотя еще две минуты назад именно это и тревожило меня больше всего. Но теперь, когда я гляжу на этот самолет, который, вполне возможно, даже недостойн называться самолетом, моя паника выходит на новый уровень.

— Итак, Грейс. — Мужчина, которого прислал за мной мой дядя Финн, смотрит на меня сверху вниз со снисходительной улыбкой на лице. Кажется, он сказал, что его зовут Филип, но я не совсем в этом уверена. Мне трудно было расслышать то, что он говорил, из-за гулкого биения моего сердца. — Ты готова пережить приключение?

Нет, нет, я совершенно не готова — ни к приключению, ни вообще к чему бы то ни было из того, что ждет меня впереди.

Если бы месяц назад вы сказали мне, что я буду стоять в аэропорту Фербенкса, Аляска, я бы ответила, что вас информировали неверно. А скажи вы мне, что в Фербенкс я прилечу только затем, чтобы сесть на самый что ни на есть

крохотный «кукурузник» и полететь на край света, — а точнее, в маленький городок на склоне Денали, самой высокой горы в Северной Америке, — я бы сказала, что вы обкурились дури.

Но за тридцать дней многое может измениться. И еще больше у тебя могут отнять.

В эти последние несколько недель я точно знала только одно — как бы плохо ни обстояли дела, они всегда могут стать еще хуже.

## ГЛАВА 2

### *ПРИЗЕМЛИТЬСЯ – ЭТО ЗНАЧИТ ПРОСТО ОПУСТИТЬСЯ НА ЗЕМЛЮ, НАДЕЯСЬ, ЧТО ТЫ НЕ ПРОМАХНЕШЬСЯ МИМО ПОЛОСЫ*

— **В**он он, — говорит Филип, пролетев над несколькими горными вершинами и одной рукой, поднятой со штурвала, показывая на горстку зданий, виднеющихся вдалеке. — Хили, Аляска. Дом, милый дом.

— Надо же. Он такой... — Крошечный, хочется сказать мне. Он и правда совсем крошечный. Намного, намного меньше даже моего района в Сан-Диего, не говоря уже обо всем городе.

Впрочем, отсюда много не разглядишь. И не из-за гор, громады которых возвышаются над округой, словно давно забытые чудовища, а из-за странной мглы — Филип называет ее «гражданскими сумерками», хотя сейчас еще нет и пяти часов. Но я все равно могу разглядеть, что так называемый город, на который он показывает рукой, полон разномастных зданий, выстроенных вразнобой.

— Интересно, — говорю я наконец. — Он смотрится... интересно.

Это отнюдь не первое, что пришло мне в голову, поначалу я подумала, что этот городок напоминает замерший ад, —

но это самая вежливая из возможных формулировок. Филип начинает снижаться, готовясь к еще одному ужасному эпизоду, очередному в серии ужасных эпизодов, которые преследуют меня с тех самых пор, как десять часов назад я села на первый из трех самолетов.

И действительно, я только сейчас замечаю то, что в этом городишке с населением в тысячу человек считается аэропортом (спасибо тебе, Гугл), и тут Филип говорит:

— Держись, Грейс. Взлетная полоса здесь короткая, потому что длинную было бы слишком долго и трудно очищать от снега и льда. Так что посадка будет быстрой.

Я понятия не имею, что значит «посадка будет быстрой», но, по-моему, ничего хорошего это не сулит. А посему я хватаюсь за металлический стержень на двери кабины, который наверняка предназначен именно для таких целей, и крепко держусь за него, пока мы спускаемся все ниже и ниже.

— Ну, девочка, была не была, — говорит мне Филип. Это определенно совсем не то, что пассажирам хочется услышать от пилота, когда самолет еще находится в воздухе.

Приближается земля, белая и жесткая, и я зажмуриваю глаза.

Несколько секунд спустя я чувствую, что шасси самолета касается земли. Филип бьет по тормозам, и меня так резко бросает вперед, что от удара головой о приборную доску меня спасает только ремень безопасности. Самолет воет; не знаю, какая из его частей производит этот ужасающий звук, — быть может, этот вой, предвещающий наш близкий конец, издает он весь. А потому я стараюсь не сосредоточиваться на этой жути.

Особенно когда нас начинает заносить влево.

Я закусываю губу и жмурюсь, а мое сердце колотится так бешено, что, кажется, вот-вот вырвется из груди. Если это и вправду конец, мне ни к чему за ним наблюдать.

Эта мысль несколько отвлекает меня, и я гадаю, что чувствовали перед смертью мои мать и отец, а когда заставляю себя выкинуть из головы и это, наш маленький самолет, трясясь и вибрируя, начинает катиться все медленнее и наконец замирает на месте.

Я знаю, каково это — ждать конца, и сейчас меня трясет так, что дрожат даже пальцы на ногах.

Я медленно разлепляю глаза, борясь с позывом ощупать себя, дабы убедиться, что все части моего тела на месте. Но Филип только смеется и заключает:

— Хрестоматийный образец посадки.

Возможно, эта его хрестоматия являет собой роман ужасов. Или же он читал ее задом наперед.

Однако вслух я не говорю ничего. Просто улыбаюсь ему самой лучезарной моей улыбкой и достаю рюкзак, весь полет простоявший у меня в ногах. Вынимаю из него перчатки, которые мне прислал дядя Финн, и надеваю их. Затем открываю дверь кабины и спрыгиваю на летное поле, молясь, чтобы у меня не подогнулись ноги.

Они подгибаются, но только чуть-чуть.

Подождав несколько секунд, чтобы удостовериться, что у меня не случится нервный срыв, — и чтобы плотнее запахнуться в мою новенькую куртку, поскольку здесь всего восемь градусов<sup>1</sup>, — я иду к хвосту самолета, чтобы выгрузить оттуда три чемодана, вмещающих в себя то, что еще осталось от моей жизни.

При взгляде на них меня пронзает душевная боль, но я не даю себе заикнуться ни на том, что мне пришлось оставить, ни на мысли о том, что в доме, где я выросла, теперь живут чужаки. Ведь стоит ли думать о покинутом доме и оставленных в нем принадлежностях для занятий живописью и наборе ударных инструментов, если я потеряла намного, намного больше?

И я просто хватаю один тяжелый чемодан из крошечного багажного отсека и опускаю его на землю. Прежде чем я успеваю потянуться за вторым, Филип выгружает оба остальных чемодана с такой легкостью, будто в них лежат подушки, а не все достояние, оставшееся у меня в этом мире.

— Поторопись, Грейс. Идем, пока ты не посинела от холода. — Он показывает кивком в сторону парковки — это да-

---

<sup>1</sup> 8 градусов по Фаренгейту = - 13 градусов по Цельсию. — *Здесь и далее примеч. пер.*

же не здание, а всего-навсего открытая стоянка для машин, которая находится от нас ярдах в двухстах, и мне хочется застонать. Здесь так холодно, что теперь меня трясет, но уже по другой причине. Как же можно жить в такой холодине? Это кажется мне чем-то нереальным, особенно если учесть, что, когда я проснулась сегодня утром, на градуснике было семьдесят градусов<sup>1</sup>.

Мне остается только молча кивнуть, что я и делаю. Затем хватаю чемодан и качу его к маленькой залитой бетоном площадке, которая, судя по всему, служит Хили аэропортом. Как же это не похоже на многолюдные терминалы воздушной гавани Сан-Диего.

Филип с легкостью догоняет меня, неся в каждой руке по большому чемодану. Я хочу сказать ему, что он может просто-напросто вытянуть из них ручки и катить их на колесиках, но, как только моя нога ступает с взлетной полосы на белеющий вокруг нее снег, до меня доходит, почему он их несет — катить тяжелый чемодан по снегу практически невозможно.

Несмотря на мою теплую куртку и перчатки на синтетическом меху, я чувствую, что уже почти совсем заледенела, когда до парковки (к счастью, очищенной от снега) остается идти еще полпути. Что делать теперь, как добираться до школы-пансиона, в которой мой дядя работает директором, я не знаю и потому поворачиваюсь к Филипу, чтобы спросить, есть ли здесь такси «Убер». Но не успеваю я произнести хоть слово, как кто-то выходит из-за одного из стоящих на парковке пикапов и напрямик бросается ко мне.

Наверное, это моя двоюродная сестра Мэйси, думаю я, но так это или не так, сказать нельзя, поскольку вся она с головы до пят упакована в теплые зимние одежды.

— Наконец-то ты здесь! — говорит груда, состоящая из шапки, шарфа, куртки и зимнего полукомбинезона, и я вижу, что не ошиблась — это и впрямь Мэйси.

— Да, здесь, — сухо отвечаю я, гадая, не поздно ли отказаться от проживания с дядей Финном здесь, в Хили. Ведь

---

<sup>1</sup> 70 градусов по Фаренгейту — около 21 градуса по Цельсию.



любая жизнь в Сан-Диего наверняка лучше, чем прозябание в городке, аэропорт которого состоит из одной-единственной взлетной полосы и открытой парковки. Получив мое текстовое сообщение, Хезер просто умрет.

— Наконец-то! — повторяет Мэйси, обняв меня. Это у нее получается немного неуклюже, отчасти из-за ее зимней экипировки, отчасти из-за того, что, несмотря на разницу в возрасте — в свои семнадцать лет я на год старше нее, — она возвышается надо мной на целых восемь дюймов. — Я жду тебя уже больше часа.

Я обнимаю ее в ответ, но быстро отпускаю, сказав:

— Извини, мой самолет из Сиэтла опоздал. Не мог вылететь из-за грозы.

— Да, мы много чего слышали о тамошней погоде, — скорчив гримасу, отвечает Мэйси. — Уверена, что там она еще хуже, чем у нас.

Мне хочется возразить — многие мили снега и такое немислимое количество теплой одежды, что это, пожалуй, будет почище скафандров, которые надевают астронавты для выхода в открытый космос, кажутся мне чем-то совершенно жутким. Но, хотя мы с Мэйси и приходимся друг другу двоюродными сестрами, я не очень-то хорошо ее знаю, и мне совсем не хочется ненароком обидеть ее. Если не считать дяди Финна, а теперь еще и Филипа, она единственный человек в этом городке, который мне знаком.

Не говоря уже о том, что они с дядей Финном — это все, что осталось от моей семьи.

А потому я просто молча пожимаю плечами.

Должно быть, это хороший ответ, поскольку Мэйси улыбается, затем поворачивается к Филипу, который по-прежнему держит в руках мои чемоданы:

— Огромное спасибо за то, что вы привезли ее к нам, дядя Филип. Папа говорит, что должен вам за это ящик пива.

— Не за что, Мэйс. Ведь у меня в Фербенксе все равно было несколько дел. — Он бросает это так небрежно, словно пролететь на самолете двести миль туда и двести обратно — это сущие пустяки. Впрочем, возможно, в здешних краях, где нет ничего, кроме снега и гор, так оно и есть.

Ведь, если верить Википедии, в Хили и из него ведет только одна настоящая дорога, к тому же зимой иногда бывает закрыта и она.

Весь последний месяц я провела, пытаюсь представить себе, каково это — жить здесь.

И теперь я это узнаю.

— Он говорит, что пиво будет у него в пятницу, так что вы сможете посмотреть игру по телевизору, как и полагается двум лучшим друзьям. — Она поворачивается ко мне: — Отец очень расстроился из-за того, что ему не удалось съездить за тобой самому, Грейс. В школе возникла нештатная ситуация, справиться с которой мог только он. Но папа велел мне позвать его, как только я привезу тебя домой.

— Пустяки, — говорю я. Что еще я могу сказать? Если я что-то и поняла за месяц, прошедший со дня гибели моих родителей, то это то, как мало значит большая часть вещей, составляющих твою жизнь.

Не все ли равно, кто подвезет меня, если в конце концов я все-таки окажусь в школе?

Не все ли равно, где я буду жить, если рядом не будет моих матери и отца?

Филип доходит до края расчищенной парковки и наконец ставит мои чемоданы на землю. Прощаясь, Мэйси быстро обнимает его, а я жму ему руку.

— Спасибо, что доставили меня в Хили.

— Обращайся. Если тебе понадобится куда-то полететь, я к твоим услугам. — Он подмигивает мне и, повернувшись, идет обратно к взлетной полосе, чтобы заняться своим самолетом.

Мы пару секунд смотрим ему вслед, затем Мэйси хватается за выдвижные ручки двух чемоданов и начинает катить их к другому краю крошечной парковки. Она дает мне знак сделать то же самое с третьим моим чемоданом, и я так и поступаю, хотя сейчас мне больше всего хочется побежать за Филипом, снова забраться в его самолетик и попросить доставить меня обратно в Фербенкс. А еще лучше домой, в Сан-Диего.

Это желание становится еще острее, когда Мэйси говорит:

— Ты не хочешь по-маленькому? Отсюда до школы ехать добрых полтора часа.

Полтора часа? Как это может быть, если через весь город, похоже, можно проехать за пятнадцать, самое большее, за двадцать минут? Правда, когда мы подлетели к нему, я не увидела в нем ни одного здания, достаточно большого для того, чтобы в нем могли разместиться четыре сотни подростков, так что, возможно, школа-пансион находится вовсе не в Хили.

Я невольно начинаю думать о бесконечных реках и горах, окружающих этот городок со всех сторон, и гадать, где же я окажусь до того, как закончится сегодняшний день. А также о том, где именно я могла бы тут сходить по-маленькому.

— Нет, не хочу, — отвечаю я по прошествии минуты, хотя от нервов у меня крутит живот.

Я добиралась сюда целый день, и мне худо уже от одного этого, но, пока мы катим мои чемоданы сквозь сгущающиеся сумерки и морозный воздух, все очень быстро становится вообще каким-то сюрмом. Особенно когда Мэйси, пересекши парковку, доходит до снегохода, стоящего на самой кромке бетонной мостовой.

Поначалу я думаю, что это какая-то шутка, но тут она начинает грузить мои чемоданы на прицепные сани, и до меня доходит, что все это происходит на самом деле. Если приложению на моем смартфоне можно верить, я действительно сейчас поеду в сумерках на снегоходе по Аляске, причем в сильный мороз.

Не хватает только одного — злой ведьмы, которая, как в книге про страну Оз, будет смеяться, полагая, что она погубила и меня, и моего песика. Впрочем, теперь это, наверное, было бы уже излишним.

Я в оцепенении смотрю, как Мэйси пристегивает мои чемоданы к саням. Наверное, мне следовало бы ей помочь, но я понятия не имею, как это вообще можно сделать. И поскольку мне совсем не хочется, чтобы остатки моих пожитков оказались разбросаны по склону горы, я решаю, что лучше предоставить их транспортировку той, кто знает, как этого избежать.

— Вот, это наверняка тебе пригодится, — говорит моя кузина, открыв небольшую сумку, которая была уже при-торочена к саням. Порывшись в ней, она достает зимний полукомбинезон и толстый шерстяной шарф. И то и другое окрашено в ярко-розовый цвет, который в детстве был моим любимым, но теперь нравится мне куда меньше. Судя по всему, Мэйси запомнила, что прежде я любила ярко-розовое, и я чувствую себя тронутой, когда она протягивает мне полукомбинезон и шарф.

— Спасибо, — говорю я и стараюсь выдавить из себя подобие улыбки.

После нескольких попыток мне наконец удается натянуть полукомбинезон поверх термобелья и флисовых пижамных штанов со смайликами (у меня есть только такие), которые я надела в Сиэтле по настоянию моего дяди. Затем смотрю на то, каким образом похожий на радугу шарф Мэйси обмотан вокруг ее шеи и лица и делаю то же самое с моим.

Это сложно, ведь мне нужно намотать его так, чтобы он не съехал с моего носа, едва только я пошевелюсь.

В конце концов я справляюсь, и тут Мэйси протягивает мне один из двух шлемов, которые были надеты на ручки руля снегохода.

— Это изотермический шлем, в нем тепло, а кроме того, он защитит твою голову в случае аварии, — объясняет она. — К тому же он будет предохранять твои глаза от холодного воздуха.

— У меня могут замерзнуть глаза? — спрашиваю я, беря у нее шлем и начиная психовать при мысли о том, как тяжело мне будет дышать теперь, когда я замотала шарфом нос.

— Нет, глаза не мерзнут, — отвечает Мэйси, не в силах удержаться от смеха. — Но благодаря щитку шлема они не будут слезиться и тебе станет комфортнее.

— А, ну да. — Я опускаю голову, чувствуя жар в щеках. — Я просто идиотка.

— Все нет. — Мэйси обвивает рукой мои плечи и крепко прижимает меня к себе. — Аляска — это тебе не шутки. Приезжие осваиваются здесь не сразу. Но скоро ты привыкнешь.